

оградой; деревья разрослись, и необходимо убрать опасные для разрушения ветви; необходимо восстановление крестов и табличек на месте утерянных»³¹⁹.

Мой поход в русскую часть Реколеты в июле 2018 года подтверждает актуальность всего сказанного отцом Игорем в 2013 году. Спустя пять лет после того, как он бил тревогу, ничего не изменилось, а только еще больше разрушено временем и забвением.

«Разделяй и властвуй!»

... Я не боролся против того или другого лица и не искал своей выгоды. Напротив, я остался нищим и горжусь этим.

*И. Т. Беляев*³²⁰

Фигура Беляева — целостная, выпуклая. Его жизненный путь и его деятельность заключены в нескольких ярких этапах. Существуют разные мнения, разные оценки этих этапов, особенно парагвайского периода. Для некоторых представителей русской общины, особенно интеллигенции, которая оказалась в Парагвае благодаря титаническим усилиям генерала Беляева, он часто становится объектом критики вплоть до полного неприятия. Некоторые предъявляли ему обвинения в том, что он втянул их в латиноамериканскую авантюру, где они оказались без знания самых элементарных основ языка и культуры. Беляев же считал, что человек должен уметь справляться с базовыми трудностями. Он решал вопросы финансирования и выделения рабочих мест с правительством, но не вступал в тесный

контакт с русскими, не обласкивал всех отдельно и по очереди. Он был занят слишком серьезными делами. На протяжении 1924–1931 гг. он почти непрерывно находился в джунглях Чако. Беляев устанавливал контакты с индейцами лесной полосы, знание обычаев и традиций которых помогло ему получить необходимые разведданные, что, в свою очередь, дало преимущество на сложнейшем театре военных действий Чако.

Беляев устанавливал
контакты с индейцами
лесной полосы

А в это время русская община в тылу плела интриги, перемывала кости. Говорили разное. Например, по словам Георгия Фишера, неотступно следовавшего за Беляевым, вся просвещенная часть русской общины активно обсуждала новость о том, что Иван Тимофеевич предложил заселить Чако русскими казаками, эмигрировавшими в Европу. Активно посмеивались над тем, что в кооперации с индейскими племенами он хотел создать пограничные отряды вдоль боливийской границы. Взгляд родственника на дело генерала Беляева был скептическим: «Осуществление этого дела создало бы Беляеву славу великого человека и спасителя Парагвая с одной стороны и спасителя "Русской эмиграции" с другой стороны... По его подсчетам, сначала можно было бы поселить около 50 тысяч казаков, а потом туда понадобились бы дороги, а, следовательно, инженеры, да мало ли кто к этому делу еще мог бы присоединиться: бывшие губернаторы — управлять новыми провинциями, офицеры — командовать новыми воинскими частями, исправники — смотреть за порядком и покоем, акцизные чиновники — так как местная водка "канья" не уступает русской водке». И такого типа документы были тщательно подобраны впоследствии, отсортированы и сложены для доверчивых исследователей в архивные папки рукописного фонда Ленинской библиотеки. Кто сможет найти запутанную в этих документах правду о великих мечтателях, имеющих вполне реальные планы и беззаветно любящих Россию, — военном разведчике Иване Беляеве, кавалеристе, казаке Африкане Богаевском, первом российском авиаторе, днепропетровском губернаторе Сергее Щетинине?!

Современное положение дел Чако показывает, что Беляев был, в своей основе, прав. Реализация подобного рода

С. П. Бобровский

планов (за исключением индейской проблематики) на дальнейшем этапе, уже после Чакской войны и вплоть до наших дней, сконцентрировалась в руках немецких переселенцев-менонитов, оказавшихся более настойчивыми в осознании целесообразности освоения чакских земель и достижении поставленных целей. В связи с подготовкой плана масштабного

переселения русских в парагвайском воздухе запахло большими деньгами. На этот запах стали слетаться авантюристы из самых отдаленных земель. «К сожалению, — пишет Иван Тимофеевич, — полковник Попов, которого я знал по первому и второму Кубанским походам как честного и искреннего патриота, отказался от своего намерения явиться сюда с ядром первых русских, но рекомендовал мне инженеров Измайлова и Пятницкого, хороших специалистов, но абсолютно не интересовавшихся ничем, кроме личной наживы»³²¹. И пока генерал Беляев был в первой экспедиции, с самого начала организации Русского очага в среде прибывающих начался разброд.

И. Т. Беляев всегда проявлял себя как человек, стремящийся объективно оценивать ситуацию. Через много лет он попытается объяснить, упорядочить все события, приведшие чуть ли не с первых дней к его ссоре с генералом Сергеем Павловичем

Бобровским поделившей русских на два враждующих лагеря. Настало время подводить итоги. Теперь уже начались гонения на Бобровского, и Ивану Тимофеевичу неожиданно пришло письмо от жены его врага. Это письмо, к сожалению, нами пока не обнаружено. Но мы имеем в нашем распоряжении ответ Ивана Тимофеевича, который проливает свет на многие вещи. «Милостивая Государыня, Нина Викторовна, — писал он ей. — Считаю долгом по возможности обстоятельно ответить на Ваше письмо от 15/XI, которое было для меня совершенной неожиданностью, но весьма желательным поводом к выяснению создавшихся отношений». В подробнейшем письме на четырех страницах И. Т. Беляев пишет о том, что ситуация не может быть рассмотрена с какой-то одной стороны, что на самом деле здесь необходимо выделить три важных аспекта: «1. Отношения личные; 2. Трения общественного характера; 3. Разница в политических взглядах».

Он вспоминает о том, что еще в Буэнос-Айресе, высказав идею переселения в страну русских беженцев, он встретил мощное сопротивление со стороны старожилов. И когда ему предложили 5 тысяч гектаров на Мар дель Плата, к владелице, с которой он вел переговоры, явились люди, заявившие, что Беляев — авантюрист и шарлатан. Что якобы он воспользовался ситуацией и перехватил участок, «в то время как здесь находится настоящий генерал, почти слепой и глухой, у него красавица жена с малыми детьми, нуждающиеся и достойные помощи» (именно так говорили о Бобровском и его жене). Беляеву удалось опровергнуть клевету, но сразу стало ясно, что в Аргентине сделать ему ничего не дадут. Он «ясно увидел, что... надо искать страну, где не было бы еще ни одного русского»³²².

Парагвай был подходящим местом. За исключением одного: здесь обосновался глава противников русской эмиграции Рудольф Риттер — один из богатейших людей Парагвая, пользующийся огромным влиянием в правительственных кругах. Он владел большим числом земледельческих имений-эстансий в 80 километрах от Асунсьона, где содержалось до 1,5 тысячи голов скота, и одновременно был владельцем единственного во всей стране экономического журнала. Он сотрудничал с местными газетами и держался на плаву. Современные исследователи пишут, что «в 1930-м году Риттер являлся консультантом по финансовым вопросам в парагвайском правительстве, за что в русской колонии его окрестили Парагвайским Витте»³²³. А в 1923-м бывший президент Гондра, давая Беляеву рекомендации на имя Риттера в Аргентине, предупреждал, что он не русский, а «finlandés o algo así*», притом революционер и враг царского правительства»³²⁴.

В Парагвае не было российского представительства, и эти функции взял на себя господин Риттер. Его асунсьонское жилище расположилось на авенида Петирози в ничем не примечательном кирпичном особняке, который парагвайцы почему-то окрестили виллой «Ньяндути». Здесь он принимал разных людей, помогал устраивать их дела. Так, молодой русский гардемарин Бабаш, приехавший в Асунсьон в 1921 году, после общения с «почтеннейшим человеком» Рудольфом Александровичем Риттером — «пожилым и довольно полным господином среднего роста, в пенсне и черном берете....» вынес для себя представление, что Америка — «страна коммерческой наживы» и место помощника хозяина магазина

* Финн или наподобие.

или кафе-ресторана здесь «пользуется большим уважением, нежели флотский мундир». Гардемарин отказался от службы в речном военном флоте и пошел по коммерческой линии.

Русский белый офицер Святослав Голубинцев, проведенный в парагвайской армии два года (1921-1922) и покинувший страну незадолго перед приходом Ивана Беляева, удивлялся, почему же ничем не примечательный внешне дом Риттера получил такое прозвище, а поскольку в Парагвае распространен вид кружева, называемый «ньяндути», то в своих мемуарах Голубинцев стал называть виллу «Кружевной»³²⁵. Надо сказать, что за свои связи с хозяином «Ньяндути», устроившим его в армию, Голубинцев попал в большое недоверие у парагвайских военных, представляющих тайную партию национал-патриотов. Однако непредсказуемость русского характера в 1922 году лихо перебрала Голубинцева из стана пронемецких заговорщиков в лагерь военных националистов. За смелость до безрассудства, за то, что гнал в боях немецких инструкторов аж до самой бразильской границы, Голубинцев получил имя Сакро Диабло (Святой Дьявол) и затем очень скоро сумел благополучно выбраться из Парагвая.

Чтобы понять, что же такое на самом деле ньяндути, обратимся за справкой к русскому дипломату А. С. Ионину, который еще в конце XIX века писал: «Собственно говоря, ничего красивого в парагвайском кружеве нет». Ионин объяснял, что ньяндути не воспроизводит привычного для европейца узора цветов и листьев. «...Это скорее подражание паутине, этой ткани, которой большие пауки оплетают в парагвайских лесах целые группы деревьев. Вероятно, эта работа пауков и эффект ее на темной листве леса поразили воображение индейца, и он

начал подражать паукам, да так и остановился на этом подражании».

Причудливый узор парагвайских лесов*

Ньяндути — подражание паутине, которой большие пауки оплетают в парагвайских лесах целые группы деревьев

* Фото Н. Емельяновой.

С рекомендательным письмом от Гондры Беляев явился в особняк Риттера. Он никак не мог понять, почему его появление с первых шагов было встречено в штыки и едва не наделало здесь переполоху. Владелец особняка «Ньяндути» прямым текстом сказал Беляеву, что Парагвай — это место, где «не теряется и не приобретает репутация, а процветает лишь тот, кто умеет украсть и поделиться», дав понять, что идеалисты в Парагвае не нужны. После непродолжительной беседы Риттер рекомендовал Беляеву поскорее убраться из страны, предложив, «как всякому дорогому соотечественнику, который приезжает к нам в Парагвай», 30 аргентинских песо на обратную дорогу³²⁶. Иван Беляев был ошеломлен. Покинув особняк, он стал наводить справки, но никто не знал о Рудольфе Риттере никаких подробностей за исключением того, что он — один из самых богатых людей Парагвая, человек с большим влиянием в парагвайском и аргентинском правительствах, родом откуда-то с северных российских окраин. Беляев обратился за помощью к бывшему французскому консулу Прео и получил от него интересную информацию. Прео сообщил Беляеву о прямой связи этого человека с событием, когда «некто Шлазингер, участник ограбления Московского купеческого банка на Фонарном переулке в первую русскую революцию, бежал с миллионами золота через Финляндию в Германию, а затем в Парагвай»³²⁷.

В своем письме и уцелевшей второй части мемуаров, чудом дошедшей до нас, И. Т. Беляев связывает имена Риттера и Шлазингера. Получается какая-то странная история. Как нам удалось установить, Шлазингер (Шлезингер Александр Данилович) был председателем паевого коммерческого банка (Московского купеческого банка), основанного в Москве в 1866 году³²⁸. Кем

был Риттер на самом деле, куда вели тайные нити из «Виллы Ньяндути»? Какова роль Рудольфа Риттера в истории смещения Гондры и дальнейшей парагвайской революции? Работал ли он на немецкой стороне, был ли связан с эсерами? Тема Риттера — тема отдельного большого исследования. Хотя некоторый свет на личность этого человека проливает почетный русский консул Парагвая Игорь Анатольевич Флейшер. Он, в частности, пишет, что Риттер прибыл в Асунсьон в 1902 году, во время правления Эктора Карвальо, который в январе 1902 года, будучи вице-президентом страны, на непродолжительное время сменил свергнутого президента Эмилио Асевала (кстати, в 13-летнем возрасте воевавшего в Великой войне, затем находившегося во вражеском плену). Считая Риттера «интеллектуальным гигантом», И. А. Флейшер, в отличие от С. Голубинцева, который обращался к тому по имени Рудольф Александрович, называет его новое имя: доктор Родольфо Леонтьевич Риттер Лейтон³²⁹. А на «Портале Гуарани» есть краткие сведения о Родольфо Риттере Лайтоне, родившемся в Москве в 1864 году и умершем в Асунсьоне в 1946 году³³⁰. Здесь также размещена книга доктора Родольфа Риттера под названием «Вопрос денежной реформы Парагвая»³³¹.

О прибытии Риттера И. А. Флейшер говорит, что это «можно считать счастьем для Парагвая». Среди особых заслуг он отмечает вклад «графа Риттера» в экономику Парагвая, поскольку своих экономистов в стране в то время почти не было. Рафаэль Баррет, глава мятежных поэтов, прибывший в Парагвай из Испании, в 1910 году* в газете «El Nacional» на-

* Рафаэль Баррет (1874–1910) эмигрировал в Парагвай из Испании в 1904 году. Вокруг Баррета, начавшего издавать журнал «Жерминаль», вскоре сложился литературный кружок «Ла Кольмена» («Улей»). Члены этого кружка,